
Сборник сказок
для детей
Мурад Керимов

Мурад Керимов

Сборник сказок для детей

«Автор»
2026

Керимов М. Ф.

Сборник сказок для детей / М. Ф. Керимов — «Автор», 2026

Уважаемый читатель, данный сборник содержит сказки о животных, людях и неживых предметах, которые являются вымышленными и не имеют отношения ни к какой-то категории людей, вере или профессии. Приятного чтения.

© Керимов М. Ф., 2026
© Автор, 2026

Мурад Керимов
Сборник сказок для детей

Сборник сказок для детей
Автор: Керимов Мурад Фуад оглы

г. Новый Уренгой
2026 г.

Лев Архимед

Жили-были в далёкой саванне звери, и самым уважаемым среди них был лев по имени Архимед. Имя у него было необычное — так звали великого мудреца из древних легенд, и лев очень старался ему соответствовать. Архимед не просто рычал и охранял территорию: он любил наблюдать, думать и находить решения даже для самых запутанных проблем.

Однажды в саванне случилась беда: пересох ручей, из которого все звери пили воду. Кто-то ворчал, кто-то паниковал, а слониха тихо плакала, потому что её малыш никак не мог утолить жажду. Тогда лев Архимед собрал всех на совет:

— Давайте не будем спешить и подумаем», — сказал он спокойно. — Вода не могла просто исчезнуть. Значит, что-то её перекрыло.

Обезьянки предложили залезть на деревья и посмотреть сверху. Черепаха сказала, что надо идти вдоль русла — так можно найти, где вода остановилась. А мудрая сова заметила, что после сильных дождей русло иногда заваливает камнями и ветками.

Архимед кивнул:

— Значит, нам нужно действовать вместе. Обезьянки будут смотреть с высоты и подсказывать, куда идти. Черепаха и ёжик пойдут по руслу — они самые внимательные к деталям. А мы с антилопой и зеброй проберёмся сквозь заросли: если есть завал, нам хватит силы его разобрать.

Так и сделали. Обезьянки кричали сверху: «Правее! Ещё чуть-чуть! Вот там, у большого валуна!» Черепаха нашла место, где вода упиралась в груду веток и камней, а лев с друзьями быстро разобрали завал. Вода снова побежала по руслу, и вскоре все звери смогли напиться.

С тех пор про льва Архимеда говорили: «Он не самый громкий, но самый умный. И когда беда приходит, он знает, что делать». А сам Архимед только улыбался и говорил:

— Ум — это не когда знаешь всё на свете. Ум — это когда замечаешь, что знаешь не всё, и зовёшь на помощь тех, кто знает другое.

И с тех пор в саванне все стали друг другу помогать: ведь вместе можно справиться с любой бедой.

Снежинка Вайти

В далёком холодном небе жила-была снежинка по имени Вайти. Имя ей дали потому, что она была белее всех остальных — словно крохотный кусочек чистого света. Вайти очень гордилась своим именем и старалась всегда оставаться безупречно белой, даже когда ветер кружил её в вихре вместе с другими снежинками.

Вайти мечтала увидеть землю. Другие снежинки шептали: «Там внизу столько всего интересного: крыши домов, ёлки, дорожки, а ещё — дети! Они ловят нас на варежки и разглядывают, будто мы самые удивительные чудеса на свете». Но Вайти немного боялась: а вдруг она потеряет свою белизну? Вдруг упадёт в лужу или прилипнет к грязной дороге?

Однажды северный ветер подхватил её и закружил так сильно, что Вайти уже не могла удержаться рядом с родными снежинками. Она летела, кувыркаясь, и сначала очень испугалась. Но потом заметила, что вокруг столько сестричек-снежинок, и все они танцуют в воздухе, будто в большом волшебном бале. И Вайти перестала бояться — она стала танцевать вместе с ними.

Наконец, она мягко опустилась на край пушистой еловой ветки. Ветка покачалась, словно приветствуя гостью, и Вайти увидела, как вокруг зажигаются огоньки: где-то неподалёку стояла нарядная ёлка, украшенная гирляндами. А чуть дальше бежали дети, смеялись, подставляли ладони и ловили падающий снег.

К Вайти подлетела другая снежинка — чуть менее белая, с золотистым отблеском.

— Ты новенькая? — спросила она.

— Да, меня зовут Вайти. Я боялась, что стану не такой белой, если улечу вниз.

— Знаешь, быть белой — это не самое главное, — улыбнулась золотистая снежинка. — Главное — быть собой и дарить радость. Смотри, как дети радуются каждому снежку!

И правда: один мальчик поднял голову и воскликнул:

— Какая красивая снежинка! Она как звёздочка!

Вайти тихонько улыбнулась. Ей стало тепло на душе, хотя вокруг был мороз. Она поняла, что её белизна — это просто её особенность, а настоящая магия в том, чтобы быть частью этого зимнего чуда.

Всю ночь Вайти сидела на ветке и любовалась огнями, слушала тихий смех детей и чувствовала, как рядом кружатся другие снежинки. А утром, когда первые лучи солнца, коснулись леса, Вайти не исчезла — она стала крошечной сверкающей капелькой росы, которая осталась на иголке ели, напоминая всем, что зима умеет быть доброй и волшебной.

И с тех пор, когда кто-то видел особенно чистую, светлую снежинку, он тихо шептал: «Наверное, это Вайти снова пришла в гости».

Ястреб Светляк

Высоко над лесом парил ястреб по имени Светляк. Имя у него было странное для хищной птицы — ведь ястребы привыкли быть быстрыми, тихими и незаметными, а тут — Светляк, будто что-то светящееся, как звёздочка в ночи. Но стоило солнцу коснуться его перьев, как они вспыхивали золотисто-медным огнём, будто по крыльям пробегали искорки. Вот за это его и прозвали так — будто он сам несёт кусочек света.

Светляк был не из тех ястребов, что сидят в засаде и ждут, пока добыча сама подлетит поближе. Он любил высоту, любил смотреть, как рассвет стелется по верхушкам деревьев, как туман тает в первых лучах, и как весь лес просыпается — сначала тихо, потом всё громче.

Однажды утром Светляк заметил, что в одной части леса стало подозрительно тихо. Обычно в это время щебетали синицы, шуршали в траве мыши, кричали сойки, предупреждая всех о чужаках. А тут — тишина. И ещё он увидел тонкую струйку дыма, поднимавшуюся из-за холма.

Сердце у Светляка сжалось: он сразу понял, что это беда. Он поднялся выше, чтобы разглядеть всё как следует, и увидел, как по сухой траве ползёт огонь — не большой, но быстрый, жадный, он цеплялся за каждый стебелёк, за каждую сухую ветку.

«Надо предупредить!» — подумал Светляк и ринулся вниз, к опушке, где жили мелкие птицы и звери. Он кружил над ними, громко кричал, хлопал крыльями, показывал путь к реке — туда, где безопасно. Воробьи и трясогузки сначала пугались его резких криков, ведь ястреб

— это опасность. Но Светляк не нападал, он снова и снова указывал крылом на воду, на тропинку, на спасительное место.

Постепенно птицы поняли: это не охота, это зов на помощь. Они подхватили тревогу и понесли её дальше, от куста к кусту, от дерева к дереву. Звери потянулись к реке, кто бегом, кто ползком, кто на дрожащих лапках.

А Светляк не улетал. Он кружил над огнём, высматривая тех, кто не успел уйти. И вдруг заметил маленького ёжика, который замер от страха и не мог пошевелиться. Пламя подбиралось всё ближе.

Не раздумывая, Светляк спикировал вниз, схватил ёжика когтями — аккуратно, едва касаясь, чтобы не поранить, — и взмыл вверх. Он нёс его над дымом, над жаром, прямо к берегу, где уже собрались спасённые звери. Там он осторожно опустил ёжика на траву. Тот дрожал, но был жив.

Когда пожар наконец остановили — прибежали лесники, залили огонь водой и землёй, — все обитатели леса собрались у реки. И тогда старая сова, которая знала лес лучше всех, сказала:

— Сегодня мы поняли одну вещь: свет — это не только то, что видно издалека. Свет — это то, что ведёт сквозь тьму и страх. И наш Светляк сегодня был этим светом.

С тех пор никто уже не удивлялся его имени. Ведь теперь все знали: даже самый стремительный и гордый хищник может быть тем, кто не даст тьме победить.

И когда над лесом встаёт рассвет, а крылья Светляка загораются золотом, звери поднимают головы и тихо улыбаются: «Вот он, наш проводник. Наш Светляк».

Уж Стесняшка

Жил на берегу тихой речки уж по имени Стесняшка. Имя ему дали не зря: стоило кому-нибудь подойти поближе, как он тут же сворачивался в тугой клубочек и притворялся веточкой. Даже лягушки иногда подплывали, трогали его лапкой и шептали: «Ой, да это просто палочка!» — а Стесняшка только крепче сжимался и думал: «Лишь бы не заметили…»

Он был очень добрым, просто ужасно стеснительным. Если кто-то звал его поиграть — он тихонько уползал в камыши. Если сова кричала сверху: «Эй, уж, расскажи, что видел?» — Стесняшка делал вид, что очень занят: будто бы считает травинки или ищет камешек поровнее.

Но однажды случилась история, которая всё изменила. На берег прибежал маленький ёжик — совсем ещё малыш, он так торопился, что не заметил крутой спуск, поскользнулся и плюхнулся в воду. Ёжик не умел плавать, он барахтался, фыркал и звал на помощь, но вокруг никого не было… кроме Стесняшки, который как раз выглядывал из камышей.

Сердце у ужа застучало так громко, что, казалось, его слышно даже на другом берегу. «Я не могу! Я же такой тихий, меня никто не слушает! Да и вдруг я всё сделаю не так!» — думал он. Но ёжик снова пискнул, и Стесняшка вдруг понял: нельзя просто сидеть и смотреть.

Он быстро-быстро подплыл к ёжику, поднырнул под него и стал тихонько толкать к берегу. Ёжик цеплялся за его гладкую спинку, дрожал, но держался. А Стесняшка плыл, зажмурившись от страха, будто если не видеть, как на него смотрят, то и бояться не так сильно.

И вот они выбрались на сушу. Ёжик тут же обнял Стесняшку (хоть обнять ужа непросто — он ведь скользкий и извивается), и сказал:

— Ты меня спас! Ты самый смелый уж на свете!

Стесняшка хотел было спрятаться обратно в камыши, пробормотать: «Да ладно, это случайно…» — но тут к ним подбежали другие звери: лягушки, белки, даже серьёзная выдра. Все хвалили его, благодарили, а старая черепаха сказала:

— Знаешь, смелость — она не в том, чтобы громко кричать и всех расталкивать. Смелость — это когда тебе страшно, а ты всё равно делаешь то, что надо.

С тех пор Стесняшка не стал вдруг шумным и бойким. Он по-прежнему иногда сворачивался в клубочек, если вокруг становилось слишком много народу. Но теперь, когда кому-то нужна была помощь, он уже не прятался. Он просто тихонько подползал, делал своё дело и потом снова уходил в тень — и все знали: если беда, Стесняшка обязательно придёт.

А когда кто-нибудь удивлялся: «Как это такой стеснительный уж оказался таким отважным?» — старая черепаха улыбалась и говорила:

— У настоящих героев голоса тихие. Зато поступки у них — громкие.

Кот Витя

Жил-был кот по имени Витя. Он был не из тех котов, что спят целыми днями на подоконнике и только изредка лениво машут хвостом. Витя обожал приключения — пусть даже эти приключения случались прямо в обычной городской квартире.

Каждое утро начиналось одинаково: Витя бесшумно пробирался к входной двери, прижимал ухо к щели и слушал, что творится в коридоре. Ему казалось, что за дверью скрывается целый неизведанный мир, полный тайн. Иногда он даже пытался лапой подцепить дверную ручку — вдруг откроется? Но ручка не поддавалась, и тогда Витя вздыхал, поворачивался и устремлялся к следующему пункту своего плана: проверке всех шкафов.

Витя считал, что в шкафах живут маленькие невидимые существа, которые по ночам раскладывают вещи в другом порядке. Поэтому он обязательно должен был всё перепроверить. Хозяйка только улыбалась, глядя, как Витя осторожно тянет зубами дверцу, заглядывает внутрь, нюхает стопку полотенец, а потом удовлетворённо мурлычет: «Ага, всё на месте!»

Но самым любимым занятием Вити была охота… на солнечный зайчик. Стоило лучику солнца упасть на пол, как кот превращался в дикого хищника: прижимался к полу, дёргал хвостом, делал стремительный прыжок — и… промахивался. Солнечный зайчик тут же перепрыгивал на стену, и Витя снова крался за ним, весь дрожа от азарта. Иногда хозяйка включала для него лазерную указку, и тогда Витя носился по комнате, сшибая по пути пару книжек и одну чашку (случайно!), но был абсолютно счастлив.

Однажды Витя обнаружил нечто невероятное: из-под дивана торчал край старого носка. Для Вити это стало настоящей находкой. Он вытащил носок, обнюхал его со всех сторон, потом попытался надеть на лапу, потом на голову, а в итоге решил, что это его новая добыча, и гордо понёс её по всей квартире, будто это трофей после великой битвы. Хозяйка смеялась и говорила: «Ну всё, Витя, теперь ты настоящий охотник!»

А вечером, когда дом затихал, Витя забирался к хозяйке на колени, сворачивался в тёплый пушистый клубок и тихо мурчал. И в эти минуты он был не грозным охотником и не исследователем шкафов, а просто самым уютным котом на свете.

И если вдруг ночью тебе станет немножко одиноко — просто вспомни: где-то там кот Витя проверяет, не переехал ли невидимый сосед из левого шкафа в правый, и гоняется за солнечным зайчиком, который никак не даётся в лапы. И от этого на душе сразу становится теплее.

Бакинский Теремок

В одном солнечном городе Баку стоял маленький, но очень нарядный теремок. Его стены были выложены узорной плиткой, крыша сверкала, будто покрыта золотыми чешуйками, а на окошках висели резные ставни — будто кружево из дерева. Теремок этот не простой был, а волшебный: он сам выбирал, кого пустить к себе жить, и всегда шептал ветру: «Пусть тут будет тепло и радостно!»

Первым к теремку прибежал юркий воробей Чик. Он покружился над крышей, заглянул в окошко и спросил:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

А теремок тихонько ответил:

— Пока никто. Залетай, будешь первым хозяином!

Чик обрадовался, влетел в окошко и устроился на тёплой балке под потолком. Стал он петь весёлые песни, и теремок от его голоса будто светился ещё ярче.

Потом пришла черепашка Нана. Она шла медленно, зато несла с собой маленькую корзинку с душистыми травами — базиликом, кинзой и мятой.

— Терем-теремок, кто в тереме живёт? — спросила Нана, чуть задыхаясь от долгой дороги.

— Я, воробей Чик! — прощебетал Чик.

— А можно и мне с вами? Я травы принесла, будем вместе чай пить!

Теремок тихонько скрипнул, словно улыбнулся, и сказал:

— Заходи, Нана. С травами тут будет ещё уютнее!

Вскоре к теремку приковылял ёжик Топа. Он был немного колючий, зато очень добрый.

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Я, Чик!

— И я, Нана!

— А я хочу к вам! У меня есть яблоки — можно испечь пирог!

Теремок распахнул дверцу пошире:

— Входи, Топа! С яблоками будет настоящий праздник.

Так они и зажили втроём: Чик пел, Нана заваривала травяной чай, а Топа пёк пироги. По вечерам они садились у окошка, смотрели, как над Баку зажигаются звёзды, и рассказывали друг другу истории.

Однажды мимо проходил большой и важный кот Мурзик. Он посмотрел на теремок и фыркнул:

— Да он же совсем маленький! Как вы там все помещаетесь?

— А мы не просто помещаемся, — улыбнулась Нана, — мы друг друга согреваем.

— И друг другу помогаем, — добавил Топа.

— И поём вместе! — прощебетал Чик.

Кот Мурзик сначала хотел уйти, но тут теремок тихо позвал:

— А ты заходи, Мурзик. У нас как раз пирог остывает, и место найдётся.

Кот удивился: теремок ведь и правда был крошечный, а внутри казалось, что места хватает всем. Он осторожно вошёл, сел у печки, и теремок будто стал чуть просторнее — ведь волшебство любит добрые сердца.

С тех пор в Бакинском теремке жили Чик, Нана, Топа и Мурзик. И если ты когда-нибудь окажешься в Баку, прислушайся у старых улочек: может, услышишь тихий смех, пение воробья и запах свежего пирога. Это значит — Бакинский теремок снова зовёт гостей.

Бык Садык

На далёком зелёном лугу, где трава была высокой, а солнце светило особенно ласково, жил бык по имени Садык. Имя его означало «верный» и «искренний», и он очень старался ему соответствовать.

Садык был не просто сильным — он был самым надёжным быком во всей округе. Если кто-то из малышей-ягнят терялся в высокой траве, Садык низко опускал голову, чтобы ягнёнок мог ухватиться за его густую шерсть, и спокойно вёл его к маме. Если ветер срывал крышу с маленького сарая, Садык подставлял своё крепкое плечо, удерживая доски, пока хозяин не прибьёт их заново. Он никогда не хвастался силой, но все знали: если Садык рядом — ничего плохого не случится.

Однажды случилась беда: пересох единственный ручей, который поил всех животных на лугу. Овцы грустно смотрели на треснувшую землю, козы вздыхали, а кролики шёпотом переговаривались: «Что же теперь будет?» Садык не стал вздыхать. Он медленно обошёл весь луг, принюхиваясь к земле, вспоминая, как пахнет влажная почва. И вдруг он остановился у большого камня, где трава оставалась зелёной, будто её кто-то поливал.

— Здесь, — тихо сказал Садык, ткнув носом в землю. — Вода близко. Надо только помочь ей выйти.

Он начал осторожно копать широкими копытами, разгребая землю и камни. Сначала ничего не получалось, и другие животные только грустно качали головами: «Да тут слишком твёрдо, даже лопатой не пробить!» Но Садык не сдавался. Он копал и копал, чувствуя, как земля становится мягче, а воздух — влажнее.

И вот, наконец, из-под земли пробилась тонкая струйка воды. Она дрожала, будто боялась, что её снова засыплют, но Садык отогнал всех, кто хотел на неё наступить, и терпеливо ждал, пока ручеёк станет сильнее. Вскоре вода побежала веселее, наполнила старое русло, и луг снова ожил.

Все звери собрались вокруг Садыка. Петух прокукарекал так громко, будто объявлял великую новость, овцы кивали в знак благодарности, а даже важный индюк склонил голову:

— Ты не просто сильный, Садык. Ты знаешь, когда нужно действовать, а когда — просто быть рядом.

А Садык только фыркнул, встряхнул густой гривой и сказал:

— Сила без доброты — как солнце без тепла. А я хочу, чтобы всем было и светло, и тепло.

С тех пор, если кто-то на лугу грустил или боялся, он шёл к Садыку. Бык не говорил длинных речей, не обещал чудес — он просто становился рядом, большой, спокойный, надёжный, и страх сразу становился меньше.

И если ты когда-нибудь окажешься на том лугу и увидишь огромного быка, который тихо пасётся у ручья, знай — это Садык. И рядом с ним всегда чуточку спокойнее и светлее.

Лиса Вивиса

Лиса Вивиса была не из тех, кто только и делает, что хитрит да обманывает. Да, она умела бесшумно скользить между деревьями и прятаться в высокой траве — так, что даже ветер не шевелил ни единого рыжего волоска на её шубке. Но больше всего на свете Вивиса любила… слушать.

Она садилась у старого дуба, прижимала уши и ловила каждый звук леса: как шуршит ёжик в сухих листьях, как тихо переговариваются белки на верхушках сосен, как поёт ручей, когда по нему пробегает солнечный луч. Вивиса говорила, что у каждого в лесу есть своя мелодия, и если очень постараться, можно её услышать.

Однажды утром Вивиса заметила, что привычная лесная музыка стала какой-то тревожной. Птицы не щебетали, а нервно перекликались, зайцы не прыгали, а жались к кустам, а старый барсук вообще сидел у своей норы и хмуро смотрел на тропинку. Вивиса тихонько прокралась вперёд и увидела: поперёк самой главной лесной дороги лежал огромный поваленный ствол. Он перегородил путь к водопою, и все звери не знали, что делать.

«Надо что-то придумать», — подумала Вивиса. Она не была самой сильной, как медведь, и не могла сдвинуть дерево. Но она была самой наблюдательной. Лиса обошла ствол кругом, заглянула под него, потом подняла нос и принюхалась. И тут она заметила узкую щель сбоку — как раз такую, чтобы юркий зверёк мог пролезть.

Вивиса позвала зайцев:

— Эй, длинноухие, сюда! Тут можно пройти!

Зайцы осторожно проскользнули, за ними — ежи, белки, даже маленький хорёк. А потом Вивиса побежала к медведю Борису, который как раз брёл по соседней тропинке.

— Борис, помоги, пожалуйста! Дерево надо чуть-чуть подвинуть, чтобы всем было удобно ходить.

Медведь сначала хотел отмахнуться: мол, дел полно, мёд не собран, ягоды не проверены. Но Вивиса не стала уговаривать и хитрить. Она просто тихо сказала:

— Лес без дороги — как песня без мелодии. Давай сделаем так, чтобы всё снова звучало.

Борис задумался, потом кивнул. Он упёрся в ствол, напряг могучие лапы — и дерево чуть сдвинулось, освободив широкий проход. Теперь по нему могли ходить даже самые неторопливые черепахи.

Когда всё было готово, звери собрались у дуба. Ёжик принёс корзинку лесных ягод, белка — орехов, а барсук торжественно объявил:

— Сегодня мы поняли: сила — это не только мускулы. Сила — это ещё и умение замечать, слушать и звать на помощь тех, кто может. Спасибо тебе, Вивиса!

Лиса смущённо опустила уши, будто хотела спрятаться, но потом улыбнулась:

— Да ладно… Я просто люблю, когда в лесу всё звучит правильно.

С тех пор, если в лесу случалась какая-то беда, звери знали: надо найти Вивису. Она не станет громко кричать и командовать, не станет обещать невозможного. Но она обязательно услышит, что не так, и подскажет, как сделать, чтобы снова стало хорошо.

И если когда-нибудь ты окажешься в том лесу и увидишь рыжую тень, мелькающую между деревьями, прислушайся: может, это Вивиса снова идёт проверять, всё ли в порядке, и не нужна ли кому-то её тихая, но очень внимательная помощь.

Доктор Пупс

В одном уютном городке, где крыши домов были черепичными, а улицы пахли свежей выпечкой, жил необычный доктор — доктор Пупс. И нет, он не был пупсом, и не был похож на игрушку: просто когда-то в детстве он так смешно и старательно выговаривал своё имя — Пупсик, Пупс, — что прозвище прилипло на всю жизнь. А потом, когда он стал врачом, все уже так привыкли, что даже на табличке у кабинета написали: «Доктор Пупс».

Доктор Пупс лечил не людей, а зверей. У него была маленькая, но очень аккуратная клиника: в приёмной на полке сидели три плюшевых зайца (он их обожал, потому что они молчали и не капризничали), на стене висели картинки с котиками в шапочках, а в углу тихо тикал старинный будильник.

Главное, что отличало доктора Пупса от других врачей, — он никогда не торопился. Если щенок дрожал от страха, доктор садился на корточки, чтобы быть с ним одного роста, и говорил:

— Я не буду ничего делать, пока ты не скажешь «можно». Договорились?

И щенок, хоть и продолжал дрожать, будто понимал: тут его не обидят.

Однажды к нему прибежала белка с тревожными глазами.

— Там, у старого дуба, мой малыш не может спуститься! Он забрался слишком высоко, а теперь боится!

Доктор Пупс не стал хвататься за лестницу и бежать сломя голову. Он взял с полки маленький пакетик с кедровыми орешками (белки их обожают), баночку мёда и тёплый плед.

— Сначала надо, чтобы он нас увидел и понял: мы не враги, — объяснил он белке. — А потом потихоньку поможем.

Они дошли до дуба. Малыш-бельчонок сидел на тонкой ветке и тихонько поскуливал. Доктор Пупс тихо позвал:

— Эй, дружок! Смотри, что у меня есть. Орешки. И мёд. Хочешь, я положу их вот тут, на нижней ветке? Чтобы ты знал: тут вкусно и безопасно.

Бельчонок осторожно глянул вниз, потом чуть-чуть спустился. Ещё раз. И ещё. А доктор всё говорил с ним спокойно, будто они просто встретились на прогулке и обсуждают погоду. Вскоре бельчонок сам прыгнул прямо в подставленный плед. Белка обняла сына, а потом повернулась к доктору и быстро-быстро закивала — будто пыталась сказать сразу тысячу «спасибо».

С тех пор все звери в городе знали: если беда — беги к доктору Пупсу. Он не будет кричать «сидеть смирно!» и делать уколы без предупреждения. Он сначала выслушает, потом объяснит, а если надо — просто посидит рядом, пока тебе страшно.

А ещё у доктора Пупса был секрет: он верил, что половина лечения — это когда тебя понимают. Поэтому на каждом приёме он первым делом спрашивал не «где болит?», а «расскажи, что случилось?». И звери рассказывали: про то, как испугались грома, как поссорились с соседом по дуплу, как потеряли любимую шишку. И после этого им уже становилось чуточку легче — ещё до всяких микстур.

И если ты когда-нибудь услышишь, как в тихом переулке кто-то шепчет: «Надо к доктору Пупсу», — знай: это значит, что кому-то очень нужна добрая, спокойная помощь. И там, за дверью с табличкой, обязательно откроют, улыбнутся и скажут:

— Рассказывай. Я здесь. И я тебя слушаю.

Горилла Бунг

В далёких джунглях, где деревья сплетались в густой зелёный шатёр, а воздух был тёплым и пах цветами и мокрой листвой, жил горилла по имени Бунг. Имя у него было короткое, звонкое — будто камень упал в воду: «бунг!» — и сразу становилось ясно: этот парень не из тихих.

Бунг и правда не умел быть незаметным. Когда он шёл по лесу, ветки слегка покачивались, птицы на секунду замолкали, а обезьянки на верхних ветках радостно кричали: «Бунг идёт!» Потому что Бунг всегда приносил с собой что-то хорошее: то связку спелых бананов, то новость, то просто уверенность, что всё будет в порядке.

Он был очень сильным — это все знали. Но сила у Бунга была особенная: он никогда не показывал её просто так, чтобы кого-то напугать. Зато если кому-то нужна была помощь — тут Бунг был первым.

Однажды случилась беда: маленький тапир по имени Тики провалился в глубокую яму, которую размыл недавний ливень. Яма была скользкой, крутые стенки осыпались, и сколько Тики ни пытался выбраться, у него ничего не получалось. Он дрожал от страха и тихо всхлипывал.

Вокруг собрались звери, все переживали, но никто не знал, что делать. Мартышки предлагали кидать ему лианы, но они были слишком тонкими. Черепаха говорила, что надо ждать, пока вода уйдёт, но ждать было нельзя — Тики уже устал.

Тогда пришёл Бунг. Он не стал кричать и командовать. Просто подошёл, посмотрел, присел на корточки, чтобы быть ближе к краю ямы, и спокойно сказал:

— Эй, Тики, я тут. Ты не один. Сейчас мы тебя вытащим, ладно?

Тики поднял глаза, и в них ещё был страх, но уже мелькнуло облегчение: он узнал этот голос.

Бунг огляделся. Лианы действительно были слишком тонкими, чтобы выдержать Тики. Тогда он нашёл самую крепкую ветку, какую только смог, и протянул её вниз.

— Держись за неё крепко, как за мамину лапу, — тихо сказал Бунг. — А я буду тянуть. Только не дёргайся резко, ладно? Мы сделаем это вместе.

Тики ухватился за ветку всеми четырьмя лапками. Бунг упёрся ногами в землю, напряг могучие плечи — и медленно, очень осторожно потянул вверх. Ветки трещали, земля осыпалась, но Бунг не торопился. Он тянул ровно, спокойно, будто шептал: «Я держу. Ты можешь. Ещё чуть-чуть».

И вот Тики выбрался. Он рухнул на траву, дрожа, но живой. А Бунг тут же сел рядом, положил огромную тёплую ладонь ему на спину и сказал:

— Всё. Ты справился. Ты молодец.

Звери радостно закричали, обезьянки запрыгали по веткам, даже строгий павлин кивнул, будто признал: да, это было по-настоящему здорово.

Но Бунг не стал стоять в центре и принимать похвалы. Он просто остался сидеть рядом с Тики, пока тот не перестал дрожать, пока не смог снова поднять голову и улыбнуться. А потом Бунг тихо сказал:

— Сила — это не только про то, чтобы быть самым большим. Сила — это когда ты можешь быть опорой. Когда кто-то держится за твою руку и знает: ты его не отпустишь.

С тех пор, если в лесу становилось страшно или случалось что-то плохое, звери знали, к кому бежать. К Бунгу. Не потому что он всё мог сделать сам, а потому что рядом с ним каждый чувствовал: даже если ты маленький и слабый, ты не останешься один.

А когда наступал вечер и джунгли затихали, Бунг забирался на свой любимый холм, смотрел, как солнце садится за верхушки деревьев, и думал: «Главное — быть рядом. И держать крепко».

И если ты когда-нибудь услышишь в джунглях тихий, уверенный голос: «Я держу, не бойся», — знай, это Бунг снова помогает кому-то выбраться из ямы. И делает это так спокойно, будто ничего особенного и не происходит. А на самом деле — происходит самое важное.

Хомяк Бонго

Жил-был хомяк по имени Бонго. И имя у него было такое ритмичное, будто кто-то тихонько постучал: «Бон-го, бон-го!» — и оно так и прилипло.

Бонго жил в уютной клетке с колесом, тоннелями и мягкой подстилкой, но больше всего он обожал не спать и шуршать. Пока все в доме засыпали, Бонго начинал свои ночные дела: бегал в колесе так, что оно тихонько напевало ему мелодию, перебирал зёрнышки, сортируя их «по важности», и складывал запасы в самые потайные уголки. Хозяева шутили: «У Бонго тут целая экономика!»

Но у Бонго была одна особенная мечта — он хотел построить самый длинный в мире тоннель. Не просто из готовых пластиковых труб, а настоящий, земляной, как у диких хомяков. Он даже начал потихоньку выгребать подстилку и пробовать рыть в углу клетки. Правда, получалось скорее «ямка с амбициями», но Бонго не унывал: он верил, что главное — начать.

Однажды вечером девочка Лиза, которая за ним ухаживала, заметила, как Бонго задумчиво смотрит на коробку из-под печенья.

— Ты что-то задумал, Бонго? — спросила она.

Бонго замер, будто его поймали на секрете, потом быстро-быстро потёр лапки и тихонько пискнул. Лиза улыбнулась и сказала:

— Ладно, давай сделаем тебе приключение.

Она взяла большую картонную коробку, вырезала в ней окошки и двери, положила внутрь кусочки туалетной бумаги (чтобы можно было рвать на уют), поставила маленькое колесо и даже нарисовала на стенках карту: «Тоннель к сокровищам». А в самом дальнем углу спрятала любимое лакомство Бонго — кусочек сушёного яблока.

Когда Бонго запустили внутрь, он сначала осторожно обошёл всё кругом, принюхался, потрогал лапкой стены. А потом его глаза загорелись: это же настоящий лабиринт! Он нырнул в первый проход, выскочил из окошка, снова юркнул в тоннель, нашёл яблоко и радостно запищал, будто кричал: «Я его нашёл! Я — исследователь!»

С тех пор каждую неделю Лиза придумывала для Бонго новое приключение: то строила ему «гору» из полотенец, то делала «мост» из деревянной ложки, то прятала орешек так, чтобы до него нужно было добраться по целой цепочке ходов. А Бонго каждый раз радовался, будто это самое великое открытие в мире.

И знаешь, в чём была его главная суперсила? Он умел радоваться мелочам. Нашёл одно зёрнышко — праздник. Пробежал лишний круг в колесе — уже рекорд. Пролез по новому тоннелю — будто покорил целую гору.

А когда Лиза садилась рядом и тихо говорила: «Ну что, Бонго, какое сегодня приключение?», он подходил к стенке клетки, тянул лапки и будто отвечал: «Любое! Главное, чтобы было куда бежать и что исследовать!»

И если тебе когда-нибудь станет казаться, что великие дела — это только что-то огромное и сложное, вспомни Бонго: иногда самое большое приключение начинается с маленькой коробки, щепотки бумаги и одного-единственного «а вдруг получится?».

Старик Брэйвик

На краю маленькой рыбацкой деревушки, там, где скалы обнимают море, а ветер поёт свои бесконечные песни, жил старик по имени Брэйвик. Он был таким древним, что даже самые старые рыбаки не помнили, когда он впервые появился в этих краях. Говорили, что Брэйвик пришёл с дальнего севера, когда море было молодым, а люди ещё боялись смотреть ему в глаза.

Брэйвик почти не разговаривал. Он умел говорить молча — одним взглядом, кивком, движением морщинистой руки. Но если уж он открывал рот, каждое его слово ловили и запоминали, будто это не просто слова, а кусочки настоящей мудрости, тяжёлые, как морские камни.

Он знал море лучше любого компаса. Мог по запаху воздуха сказать, будет ли шторм, по крику чайки — где сейчас ходит косяк сельди, по цвету заката — стоит ли завтра выходить в плавание. Рыбаки часто приходили к нему перед рассветом, садились на камни рядом, молча ждали, пока старик посмотрит на горизонт, прищурится и тихо скажет:

— Сегодня не надо. Море злится.

Или:

— А завтра можно. Оно будет добрым.

Однажды случилась беда: молодой рыбак Арне, самый быстрый и самый упрямый, не послушал ничьих советов. «Я знаю море!» — кричал он, закидывая сети. И ушёл в туман, который стелился по воде, словно чья-то злая рука тянулась из глубины.

Когда туман рассеялся, лодки Арне нигде не было. Рыбаки метались по берегу, кричали в пустоту, а потом собрались у дома Брэйвика. Старик сидел на пороге, держал в руках старую деревянную ложку — он всегда что-то чинил или вырезал, будто возвращал вещам жизнь.

— Скажи, Брэйвик, — прошептал кто-то. — Ты ведь видишь то, чего мы не видим. Где Арне?

Старик медленно поднял голову. В его глазах было столько моря, что казалось, будто оно живёт прямо внутри него.

— Он там, где ветер не дует, а тянет вниз, — тихо ответил Брэйвик. — Но он жив. Пока жив страх — жив и он. Надо идти.

Никто не понял, что он имеет в виду, но все знали: если Брэйвик говорит «надо идти», значит, надо идти. Старик встал, накинул потрёпанный плащ, взял с собой только маленький нож и кусок верёвки. Рыбаки последовали за ним, как стая чаек следует за вожаком.

Они шли вдоль берега, пока не добрались до места, где скалы сходились, образуя узкий проход к скрытой бухте. Там, среди острых камней и пенных волн, они увидели лодку Арне — перевёрнутую, разбитую, но не унесённую в открытое море. А чуть дальше, на скользком камне, сидел сам Арне, белый от холода и страха, и дрожал так, что даже зубы стучали.

Брэйвик подошёл к нему первым. Не кричал, не ругал, не хлопал по спине. Просто сел рядом, протянул руку и сказал:

— Держись. Сейчас мы тебя вытащим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.